

**ИНАЯ
ФАНТАСТИКА**

BRIAN CATLING

THE
ERSTWHILE

• БРАЙАН КЭТЛИНГ •

БЫЛЫЕ

Перевод с английского Сергея Карпова

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
К98

Brian Catling
THE ERSTWHILE

This edition published by arrangement
with United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского: *Сергей Карпов*

В оформлении использована
иллюстрация *Василия Половцева*

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

ISBN 978-5-17-117430-9

Copyright © Brian Catling 2017
© Сергей Карпов, перевод, 2024
© Василий Половцев, иллюстрация, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Для Алана Мура, запалившего фитиль
Для Рэя Купера и Терри Гиллиама, раздувших пламя*

Древо познания окаменело и стало островом угля, готовым поглотить наши первые исторические следы (будь то биологический факт или мифологическое верование). Одно старое, второе новое. Но оба сосуществуют в настоящем бок о бок.

Неизвестный

Горе европейцам, если в африканском буше позабудут они о своем единстве культуры и расы. Горе им.

Лео Фробениус. Paideuma. Umrisse einer Kultur — und Seelenlehre¹

¹ «Пайдеума. Очертания учения о культуре и душе» (нем.) —
Здесь и далее прим. пер.

Пролог

Придись удар, и тонкий ручеек
Из кожи дуба, коему питать
Бы должно крепостью, добром сучок,
Бежит свой ключ закрыть да иссыхать,
Улиться, точно галл иль заворот. —
Поруганный, свет зорь уж не забудет.
Редьярд Киплинг. Молитва Гертруды

ЛОНДОН

Здесь ползает человек-зверь — его некогда добродетельное тело вывернуто наизнанку, обнаженное и бескожее, в плоть прорастают лозы и жилы, в легких распускаются жесткие первобытные перья, узлятся колючей проволокой шипы и ржавь в чреслах. Чувство вины и страх изглодали пальцы, скрючив на них ногти в когти. Заостренные раскопками дома для себя в неглубокой могиле. Он предстает на четвереньках, нагой, и червится по растрескавшейся земле на острых коленках, стертых докрасна тем, как высекают себе опору в почве. Он рыскает в окопе, ослепленный свирепым блеском взрывов. Очередная воющая вспышка вычерчивает зыбящиеся мускулы на спине и руках, густую копну пророка,

порченную войной в зудящие космы, забитые грязью, подобно спутанной бороде в слюне и рыжем песке.

Но пугает его лицо, освежаванное шоком.

Глаза полны ужаса во внезапном фосфорном свете. Бесконечно потерянные, навечно в канаве безумного взора, опустошившей череп.

Маленький плешивый художник вносит последние изменения в его выражение, расширяет зрачки, вправляет в прищур их, глядящих в разные стороны, разоблачающих рассечение разума.

Затем отступает от стола, где пишется картина, и кивает себе, потирая подбородок пальцами, заляпанными тушью. Да, почти готово к печати. Тихий шум на другом конце комнаты побуждает поднять взгляд и выволакивает его мысль наружу:

— Говорю — почти готово.

Кто-то или что-то прислонилось к облезлой шторе, насыщенной вонью Лондона. Художник берет картину со стола и поднимает, чтобы продемонстрировать персонажа и подчеркнуть свои слова.

— Я никогда не был таким! — последовал ответ.— Вы застали меня между миров, между верховьем реки до того, как я покинул великий лес, и низовьем — после. Вы ушли и бросили меня одного, а все остальные Слухи отправились в землю дофина, чтобы их разорвали в грязи, в первой из ваших мировых войн, каких будет множество.

Натурщика было трудно понимать, ведь вещал он лексиконом теней. Он еще не освоил человеческий язык. Взамен говорил прямо в разум телепатически, без слов, от чего рот художника бессознательно ходил,

стараясь передать звуки из мыслей. Любого другого такой способ общения смутил бы, но для художника это был очередной день знакомства с ангелами.

Натурщик сказал, что он из Былых, но художнику это ничего не говорило. Еще он называл людей «Слухами», с большой буквы. Все это казалось бредом, а уходящий день снаружи размывал очертания значений. Утверждение натурщика о французских окопах из мира будущего осталось непонятым.

В те времена ночь смыкалась медленнее, глаз калибровался к сумеркам и всем нюансам, ныне стертым и изгнанным электричеством. В те дни город коснел в древнем сумраке — в каждой просмоленной лачуге сияли фитильки ламп с китовой ворванью, лишь прибавляя копченого блеска полированному кораллу лондонской тьмы. Слепец — а тогда их было немало — узнавал наступление ночи по смене запаха, когда смрад ворвани рос на фоне уходящего света. Еще на миг река задержала волны в своей глубокой надсадной глотке, прежде чем оборотить их мощь в другую сторону по велению скрытой луны. На берегах Темзы скрипели и ворочались тысячи штабелей деревянных комнат.

— Но это ты, в точности как ты описал,— возразил художник.— Как ты выглядел раньше. До того как нашел меня. Вот ты выходишь из леса. Сбегаешь из своего Вура, о котором столько рассказываешь.

— В-О-Р-Р! И я не сбегал.

Это транслировалось аккуратными изгибами, с новой настойчивостью в их нажиме, так что художник вырвал картину и схватился за голову.

Резкость застала врасплох последние частицы дня.

— Не пиши *мое* имя на этом. Если так хочется показать остальным, назови кем-нибудь другим.

— Но кем? Чем? — спросил в замешательстве художник. — Ведь больше ничто так не выглядит.

— Тогда спрячь, погребви под прочими картинами, никому не показывай, сожги.

— Но это же другой лик Господа, — сказал художник. — Господа в звере и в человеке, в упадке, в грехопадении.

Растворяясь в сумраке, натурщик не терял четкости речи.

— Древний царь, — подумал он, бросив мысль на прощание, и ее завиток снял боль с висков художника. Тот опустил руки и взглянул на испятнанные пальцы, словно сопоставлял тьму пигмента с той, что росла в комнате.

— Назову Навуходоносором, — тихо окликнул он так, как говорят с дверью, навсегда закрывшейся за ушедшим возлюбленным, как говорят с бегущим отсутствием прежде пристального слушателя.

Картина стала одной из величайших работ Уильяма Блейка.

 ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Старая стрела забывала. Воздух стесал ее дотонка — столько жестоких приземлений, столько направлений. Она парила по времени и пространству, сражала одних и спасала других. Лук же оставался постоянным и живым. Его бордово-черный изгиб был из плоти и костей духовной женщины — жрицы, рожденной в Ворре. Она сказала супругу, как разъять и переиначить ее плоть. Разделить и остругать длинные кости, перераспределить их силу и текстуру, как перехватить их щепки волокнами мышц и натянуть — жилами и кожей. Теперь великий Ворр и все, что обитало в нем, следили, как подлесок расступается и меж деревьев скользит лук, уворачиваясь от свисающих лиан.

Любой человек увидел бы лишь летящие сами по себе лук и стрелу, но в руках их держал Цунгали: истребитель людей, воин Истинного Народа. Тот, кто возглавил Имущественные Войны. Тот, кто выследил английского лучника Уильямса и в итоге погиб от рук чудовища Сидруса. В эти дни Цунгали был призраком. Им он сделался после стычки в этом самом лесу, но те мгновения уже потускнели в разуме, удалились, ведь у привидений короткая память. У них есть лишь одна цель, а целью

Цунгали стало найти истинное назначение усталой последней стрелы.

Ныне он странствовал с духом деда, который довел его сюда и подталкивал дальше. Их окольный путь лежал через Ворр. Занимал много месяцев. Цунгали пускал вперед стрелу, и за нею они следовали туда, куда не ступала нога ни человека, ни даже привидения. Теперь она вывела их на опушку.

Перед очередным выстрелом дед Цунгали остановился. Сел с одышкой на низкий камень. Цунгали чувствовал, как он растворяется, и обернулся к древнему старику, ставшему, как он, лишь дуновением прошлой жизни. Затем предок призвал сильный шепот и снова заговорил.

— Внук, мы исполнили свой долг, и теперь я остаюсь. Последняя часть пути — за тобой одним.

Внук не спорил. Он склонился и обнял великого духа, так много для него значившего. Древний старик поблек в объятьях. Едва виднелся в пестром солнечном свете, истекающем зеленой смолой. Цунгали отвернулся, положил стрелу на тетиву и изогнул лук. Вновь пустил ее в полет и почувствовал сопротивление расставания, когда покинул Ворр навсегда.

Лес не признавал и не хотел людей, вторгавшихся в его необъятность. И любого нарушителя ожидало страшное истирание памяти. В Ворре существовали собственное время, собственный климат и собственное сознание. Он был древним еще до того, как Адам приобрел очертания в разуме Бога. И потому не желал иметь дел с этим докучливым родом. Сказочные чудовища и привидения, допускаясь в его ядро, имели цель и

функцию, что шли вразрез с мечтами и устремлениями человечества. И любая форма жизни под защитой леса таила в еще большей степени те же естественные недоверие и подозрение к homo sapiens, что можно видеть всюду на Земле.

Днями и ночами Цунгали стрелял и следовал за стрелой. Каждый полет и каждая запинка заводили все дальше и дальше от тени Ворра. Он двигался на юг, и овладевала им великая усталость.

Он понял, что путешествие подходит к концу, потому что лук елозил в хватке, тянулся к своей судьбе. Поздним вечером Цунгали прошел через деревню. Медовый камень простых жилищ даже после заката хранил теплое свечение солнца. Ископаемое упрямство мало-помалу отпускало изнутри камня жар дня. Лук просветлел в тепле, дергаясь и указывая вперед.

Когда пала ночь, лук завел Цунгали в озаренные звездами поля за окраиной деревеньки. Здесь он снова нашел белую стрелу. Вместе с ней они ждали, когда выйдет луна, поздняя и торжественная, видом раздутая и напыщенная. Пока в лунном сиянии плясали мотыльки, Цунгали отправил стрелу в последний полет — высоко в сторону моря — и последовал по ее траектории навстречу рассвету и океаническому реву побережья.

Никогда он не знал столько воды. Будь он живым, его бы взял испуг среди осыпающихся утесов и грохочущих волн. Земля под ногами казалась полой — он слышал глубокий голос ее впадин. Весь утес был полон пещер и туннелей, рытвин и разломов. Через них все море протягивало воздух и воду. В гулком эхе Цунгали вдохнул первое тепло своего последнего утра.